

Военная фантастика

коллекция

Игорь Николаев
Александр Поволоцкий

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕТЕР

Железный ветер
Путь войны
Там, где горит земля

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н63

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Оформление обложки: *Николая Зубкова, Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Н63 Николаев Игорь; Поволоцкий Александр

Железный ветер: Железный ветер. Путь войны. Там, где горит земля: сборник / Игорь Николаев, Александр Поволоцкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 960 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-114339-8

Этот мир — был...

В нем человечество не отправилось «вверх», в атмосферу и космос, а спустилось в глубины Мирового океана. В небесах парили дирижабли, а гигантские субмарины перевозили людей к подводным городам и шельфовым платформам.

Теперь его не стало. Из неведомой вселенной, укротив материю и пространство, пришли безжалостные, непобедимые враги под чернобелыми флагами с трехлучевой свастикой. Началась война, в которой не принимается капитуляция и некуда бежать.

Но нельзя победить, не оценив силу и слабость вражеских легионов. И пока соотечественники готовятся к новым сражениям, разведчики на подводной лодке уходят в чужой мир, чтобы изучить противника. Там, где торжествует победившее зло, только долг и мужество станут им защитой и поддержкой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-114339-8

© Игорь Николаев, 2019
© Александр Поволоцкий, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Железный ветер

В написании этой книги мне помогли многие люди, далекие и близкие, хорошие знакомые и те, с которыми мы ни разу не встречались.

Я выражаю благодарность

Галине за ее наиболее полезное колдовство;
Александру Москальцу, который на совершенно добровольных началах редактировал текст, отловив немалое количество ошибок, фактических, стилистических и грамматических;

Сергею Платову, создателю военно-морских сил «Мира Воды»;
Александру Трубникову, давшему мне немало ценных литературных и технических советов;

хсб, *Сергею Русову*, *Игорю Радюкину* и *Дяде Мише*, пришедшим на помощь в самый тяжелый момент и тем весьма поддерживавшим;

Друзьям и читателям с форумов www.twow.ru, <http://mahrov.4bb.ru>, и СамИздата, принявших на себя тяжкий и зачастую неблагодарный труд по вычитке и комментариям;

Андрею Уланову, который не обнадеживал, но поддерживал;

Сергею Анисимову, который дал новое рождение жанру альтернативной истории в России, и *Сергею Буркатовскому*, автору эталонной книги «про попаданца».

Всеволоду Мартыненко, который во многом определил облик дирижаблей «Мира Воды»;

Михею и *О.М.С.*, которые не верили и тем крайне вдохновляли.

А. Трутце, который внятно объяснил, почему артиллерия должна стрелять много;

Господину *Зеусу де Рейтеру*, демиургу экономики;

Мистеру *Харли Таккетману*, человеку и мотоциклу, автору отдельного мотоциклетного аэродесантного батальона.

Golosptic, который подсказал немало технических моментов;

Doktorkurgan за многочисленные и полезные рисунки;

Виталию Томилову, конструктору «Ската»;

wolfschanze за организационные нюансы;

Мише Макферсону, теоретика и практику стимпанка;

Р. Кузнецову за прекрасный ликор;

Андрею Мартьянову за латинский текст.

Отдельно я хотел бы отметить помощь *Александра Борисовича Поволоцкого* и обратить внимание на его подвижническую деятельность по организации музея военно-полевой медицины.

<http://tarkhil.livejournal.com/>

Ведь это мой мир, мой прекрасный мир,
Царство радости светлой моей —
От сверкающих льдов заполярных краев
До тьмы любовных ночей.

Джек Лондон

Сей смуту и на волю выпускай жестоких псов войны.

Уильям Шекспир, «Юлий Цезарь»

Часть I

ВТОРЖЕНИЕ

Глава I

ПСЫ ВОЙНЫ

1959 год, 4 августа, день первый

Прекрасный солнечный день летом в Атлантике — это нечто совершенно особенное, на грани между сказкой и явью. Когда солнце висит в пространстве, даря ровное тепло и покой, когда лишь волны, выбегающие из-под форштевня, колеблют прозрачно-зеркальную гладь океана, в такие мгновения хочется отбросить условности, лечь навзничь на гладкую деревянную палубу и смотреть в бесконечную даль голубого неба, не думая вообще ни о чем. Как инженер-специалист по глубоководному бурению и прокачке пневмосистем Сергей Дориков мог бы дать точную оценку прозрачности воды по диску Секки или даже шкале Хазена, но предпочитал просто наслаждаться погодой и личным счастьем.

Удовольствие от погоды и моря было тем острее, чем ближе был пункт промежуточной остановки для «Гордости Франкфурта», он же конечный для Сергея — третья база подводного комплекса «Экстаз», построенного консорциумом Джейсона Райана еще в начале сороковых. Теперь «Экстаз» был перекуплен североамериканским «Таггарт океаник», который намеревался переоборудовать развлекательный и исследовательский комплекс под буровую и комбинат первичной переработки руд

платиновой группы. Созданный специально для этого мегапроекта консорциум с «Таггарт» во главе собирал профессионалов по всей Европе, а тридцатитысячетонный теплоход «Гордость Франкфурта» в каждом плановом рейсе перевозил десятки ценных специалистов по всем видам подводных работ, пересаживая их на «лифтовые» батискафы прямо над «Экстазом».

Отменное жалованье, важная веха в послужном списке, полезный опыт... И полгода вахты под почти километровой толщей с редкими плановыми подъемами на «подышать атмосферой».

Дориков вдохнул полной грудью свежайший, чистейший воздух — неопишуемую смесь бодрости и пряного аромата морской соли. Обычный набор технических запахов судна — металл, масло, газойль остались где-то в стороне, совершенно не чувствуясь.

— Мерзкий, мерзкий запах... Отвратительная посуда... — пробурчала под нос проходившая мимо старушка, наверное, очередная гримза из старой русской аристократии. В последние пару десятилетий у этой публики прочно вошло в привычку совершать по несколько путешествий в год из Евразии в Америку и обратно. Чопорная, высокомерная, затянутая от пяток до бровей во что-то белое, кружевное и бесформенное. И, конечно же, с неперменной собачкой на руках — несчастным карликовым существом, замотанным в муфту. Старушенция влачила свое брненное тело по палубе вдоль борта, негромко, но свирепо поприца океан, корабль и беспутную молодежь, забывшую устои предков. Собачка высунула язык и страдала.

Блюстительница устоев была так комична, что Дориков против воли улыбнулся, затем понял, в чей адрес направлены упреки в аморальности, и улыбнулся еще шире.

С Ксенией, внештатным художником «Евразийского ГеоАльманаха», он познакомился четыре дня назад, еще в порту, пока они ожидали посадки в огромном зеркальном куполе «Океанического Вокзала» во французском Бресте.

Вокруг шумела многонациональная толпа — отправляющиеся и прибывающие, встречающие и провожающие, люди все мыслимых возрастов, национальностей и цветов кожи, но «медово-красную девушку», как он сразу назвал ее про себя, в огненно-красном платье и с медово-русого цвета волосами до плеч Сергей увидел сразу. Увидел, обменялся парой слов под пустяковым предлогом и почувствовал, что давно разменянный пятый десяток, взрослый сын, неудачный брак — все это суэта

сует. И вообще, может быть, в его возрасте и поздно начинать новую жизнь, но никогда не поздно проверить — так ли это.

Дориков, как и положено человеку его профессии, был решителен и быстр на подъем. По случайному и счастливому стечению обстоятельств Ксения направлялась туда же, куда и он — к «Экстазу», делать серию зарисовок быта подводников и морского дна во всем его разнообразии. Как сугубый технарз Сергей искренне не понимал, кому нужна живопись в век фотографии, моментальной и движущейся, но там же, в торговом комплексе «Вокзала», он купил роскошный набор художника легендарной торговой марки «Всегда готов». Краски и прочие принадлежности в скромной коробке с «Патером»¹ действительно были великолепны, они безотказно служили владельцу в любое ненастье и, судя по рекламному листку, даже под водой. Но и стоило это чудо химической промышленности нереальных денег, на которые еще легла наценка «Вокзала». Старейший порт гражданского подводного флота свято берег образ заведения достойного, почтенного, элитного и потому допускал торговцев под свою реставрированную крышу с очень большим разбором.

Красивая женщина, совместное путешествие, роскошный подарок, казалось, само небо благоволит ему.

Но... На пути благих порывов души Сергея колкими терниями выросли громоздкие принципы общественной морали. Разумеется, пятидесятые — не сороковые и тем более не двадцатые, когда мужчина и женщина непременно должны были быть *представлены* друг другу, а встречи проистекали исключительно в сопровождении бдительных родственников. Просто так, признавшись в симпатии и сделав свой подарок, он рисковал уподобиться провинциальному купчишке средней руки. Для полной картины оставалось только провозгласить сакраментальное: «Едем к цыганам!»

Поэтому подарок отправился ждать лучших времен в его багаже. Предстояла осада по всем правилам сложного, отточенного веками искусства флирта, проходящего по тонкой грани между взаимной симпатией и суровым этикетом «людей из общества».

Ксения приветственно кивнула ему, на плече у нее висели походный мольберт и легкий переносной радиоприемник, художница выбирала позицию для пробной зарисовки. Несколько

¹ «Патер с кисточкой» — один из старейших европейских «цеховых знаков» производства красок и художественных принадлежностей.

мгновений Сергей колебался — продолжить ли общение или не нарушать творческое уединение, но первое безоговорочно победило.

— Здравствуйте, — сказал он, подойдя к ней.

Девушка тепло улыбнулась в ответ и легко, непосредственно ответила:

— Как замечательно, сейчас вы мне поможете! Я буду рисовать с вас настоящего морского волка!

Дориков почувствовал, как сердце дрогнуло, на мгновение сбившись с ритма. Но следовало быть крайне осторожным, за ее милой непосредственностью могла стоять лишь простая симпатия к приятному попутчику.

— Ну какой же я волк, — усмехнулся он в ответ, — я скорее «осьминог».

Она недоуменно подняла бровь, он поспешил объяснить:

— Так уже лет сорок называют нас, глубоководников. Еще когда сошел на воду первый гражданский «ныряльщик» Райана. Дескать, как осьминоги — ползаем по дну и собираем для своих гнезд разные предметы. А военные подводники, соответственно — «крабы».

— Нет, осьминог — это не романтично, — капризно надула губы Ксения, — я нарисую настоящего морского волка! Скорее, нужно сделать первые наброски, пока дирижабль не прошел мимо, его обязательно нужно зарисовать вместе с вами, так композиция будет закончена.

Спохватившись, Дориков обозначил легкое движение рукой, предлагая принять ее ношу. Девушка благосклонно позволила ему взять приемник, но мольберт оставила. Сергей аккуратно поставил аппарат на какую-то приземистую техническую пристройку — скорее всего блок вентиляционных шахт, — замуфлированную панелями «под бамбук», в японском стиле. Включил, стараясь не сбить прежнюю настройку, и маленький, но мощный динамик, чуть скрипнув, издал громкую, пронзительную трель саксофона. Играло что-то американское, с отчетливыми джазовыми мотивами, удивительно гармонирующее с окружающим миром и его собственным радужным настроением.

— Сергей, посмотрите, как красиво! — Ксения восхищенно указывала вверх. На мгновение Дорикову показалось, что сейчас, охваченная избытком чувств, она запрыгает на месте, подобно маленькой девочке.

Он посмотрел вверх. Действительно, «Гинденбург», как и обещал вчера капитан, проходил над ними, даже ниже обычных четырех-шести сотен метров, считавшихся рабочей высотой тяжелых дирижаблей. Пассажирский гигант лениво шинковал воздух огромными винтами.

Пятипалубное чудо немецкого дирижаблестроения было величаво и монументально, как и положено представительской машине, купить билет на которую может позволить себе лишь несколько тысяч человек на всем земном шаре.

Окружающие оживились, раздались приветственные возгласы, многие оживленно замахали руками. Даже чопорная дама с собачкой указывала в небо рукой, затаенной в кружевную перчатку. Оказалось, что «Гинденбург» поднял приветственный флаг — процедура ранее стандартная при встрече судов представительского класса, но уже почти три десятилетия как необязательная. Тем не менее капитаны старой закалки, к каковым, несомненно, относился командир дирижабля-гиганта, обычай свято блюли. Разумеется, «Гинденбург» ничего не поднимал, да и не мог поднять по техническим причинам. По правому борту снежно-белой полосой было спущено огромное полотнище без всяких символов и надписей — давний знак добрых намерений и пожелания удачного пути.

«Гордость» издала длинный протяжный гул главного судового ревуна, приведший в экстаз многочисленную детвору. Высоко над рубкой неожиданно полыхнуло огненно-яркое, прекрасно заметное даже в этот пронзительно солнечный день пламя салюта «по форме три» — сиренево-синий, красный, изумрудно-зеленый.

Дориков одобрительно усмехнулся в усы. Да, капитан «Гордости» превзошел самого себя, на древний обычай он ответил еще более древним — приветствие фейерверком было давным-давно исключено даже из «Фламандского» статута мореходства, а вот смотри-ка. Старый морской волк и помнил, и припас соответствующие заряды, и оперативно приказал организовать стрельбу из фэйр-бомбомета.

Хороший капитан, хороший корабль, хорошая жизнь.

Инженер посмотрел на улыбающуюся, безмятежно счастливую Ксению и тоже почувствовал себя очень-очень счастливым человеком.

Саксофон, вытягивавший финальную, уходящую уже в ультразвук ноту, внезапно захлебнулся, утонул в пронзительном

вое помех. Приемник захрипел, защелкал и умолк. Мгновение Сергей недоуменно смотрел на него, а затем почувствовал резкий укол в левом запястье. Толстая синяя искра опоясала металлический браслет наручных часов, больно обжигая кожу.

Мерная, едва заметная дрожь корабельного корпуса, двигатели словно пошли вразнос, то выдавая на валы полную мощность, то работая почти вхолостую.

Повсюду на палубе люди вскрикивали, трясли руками, отбрасывали металлические предметы. Ксения пискнула, испуганно взерошив густую шевелюру, резко бросила на палубу какой-то сверкающий предмет. С легким стуком по доскам покатила заколка для волос. Пальцы девушки дрожали, легкий дымок поднимался от ее густых русых прядей.

Вновь включился приемник, но теперь он издавал лишь мерное, на одной ноте гудение.

— Сергей... — растерянно произнесла Ксения.

И Дориков, забыв обо всех условностях, шагнул к ней, крепко беря за руку. Девушка прижалась к нему, ее была сильная нервная дрожь.

Прямо по курсу сгущалась темная, почти черная гряда низких мрачных туч. Они появились словно из ниоткуда, конденсируясь прямо из воздуха, звенящего тревогой. Вертикальная молния, яркая, сотканная из множества бледно-сиреневых щупалец, расплосовала грозовой фронт. Затем еще одна, и еще. Всполохи небесного огня слились в стробоскопическое мерцание.

И неожиданно закончились.

— Что это все? — почти шепотом спросила она.

— Не знаю, — честно ответил он, так же тихо, словно опасаясь призвать что-то очень опасное и враждебное.

Гудение радио прекратилось, динамик издал резкий щелчок и неожиданно произнес череду коротких, рубленых слов на каком-то гортанном языке, незнакомом Сергею.

*Zeugen... angriffsspitze... fliegerlos... geheimhaltung...*¹

— Смотри! — воскликнула девушка, указывая ему куда-то за борт, в небо.

Сергей добросовестно уставился по направлению ее указующего пальца, но, сколько ни щурился, ничего не заметил, только какие-то точки на призрачной грани соприкосновения

¹ Свидетели... боевой дозор... без авиации... сохранение тайны (*нем.*).

неба и воды. Может быть, птицы, а может быть, просто обман зрения.

Пора проверить зрение, подумал он, разумеется, сорок семь — не возраст, но глаза уже не те, что раньше. Новые глаза — это, конечно, чересчур, но провести коррекцию роговицы не помешало бы.

— Не вижу, — сказал он напряженно.

— Да нет же, — произнесла она, сжимая его ладонь, — посмотри внимательнее, там какие-то планеры. Они как будто водят хоровод над самой водой.

Сергей снова всмотрелся вдаль. Действительно, точки приблизились. Теперь совершенно точно можно было сказать, что это не обман зрения и, пожалуй, не птицы. Разумеется, на таком расстоянии невозможно было рассмотреть никаких деталей, но неизвестные объекты обладали характерными ломаными линиями, выдающими творение рук человеческих. Их расплывчатые силуэты дрожали и трепетали низко-низко, над самой водой, бликуя и отсвечивая полированными плоскостями, как будто и в самом деле стрекозы водили свои охотничьи танцы.

Планеры приближались. В считанные секунды их можно было уже без труда сосчитать и рассмотреть более-менее детально. И тогда Дорикову стало очень... тревожно. По спине прошел морозец, скребя кожу колкими остренькими лапками. Эта же неосознанная тревога охватила всех присутствующих на палубе — неутихающий доселе жизнерадостный шум пассажиров сам собой буквально за несколько секунд сошел на нет, лишь удивленные возгласы да ровный рокот судовых машин нарушали тишину на палубе.

Их было семь, может быть, восемь, машин, схожих по размерам с двухместными русскими «Витязями» или американскими «Хоуками», идущих косым строем в одну линию, разрезая прозрачный воздух непривычно длинными плоскостями, поблескивая прозрачными каплями фонарей-блистеров.

Прежде всего, планеры приближались очень быстро, наверняка быстро. Дориков был не очень хорошим знатоком воздушных аппаратов, но манера движения, очертания гиропланов и их менее распространенных братьев — гиросциклов была ему хорошо знакома. Эти же машины буквально пожирали сотню за сотней метров со скоростью и целеустремленностью небесных акул. Кроме того, инженер не видел ничего сколь-нибудь схожего

с привычными движителями — винтами или барабанными приводами. Планеры держались в воздухе, словно велением божьим, лишь странный пронзительный свист, похожий на звук разрываемой плотной бумаги, сопровождал их стремительный полет, разносясь далеко вокруг. Инженер никогда не слышал ничего подобного и, по-видимому, он был не одинок.

Но если отсутствие видеопеллеров еще можно было списать на обман зрения или техническую новинку, то сам по себе внешний вид аппаратов даже не столько удивлял и поражал, сколько по-настоящему пугал. Они были странно, неестественно перекошены — кабина сдвинута влево по отношению к центроплану, а сразу за ним с ощутимой асимметрией вправо вырастал уродливый цилиндрический «горб» с непонятными выступами, заканчивающийся сложной конструкцией, похожей на рулевое оперение, но нестандартных пропорций. Как бы в продолжение «горба» вровень с кабиной по ее правому борту торчал «пучок» из трех или четырех длинных палочек странного гофрированного вида. Лишь окраска у машин была похожа на обычную, знакомую — серо-синяя, более темная сверху, снизу — светлее, но оттенки краски были более яркими, контрастными.

Группа загадочных планеров (а планеров ли?) вытянулась в линию и выстроила над судном идеальный круг протяженностью в несколько сотен метров. Пронзительный свист-гул наполнил все пространство, и инженер наконец понял, почему ему так тревожно.

Окрас машин при всей необычности был схож с окраской военных планеров, а странные «палочки» сбоку кабины — с батареей пулеметов, только со стволами гораздо толще и длиннее.

— А вот еще, — растерянно произнесла Ксения, но Сергей видел и сам. Вторая группа неизвестных машин быстро приближалась с того же направления, что и предыдущие, но эти были заметно больше, симметричные, числом не меньше десятка, они держали курс прямо на «Гинденбург». Словно очнувшись от спячки или растерянности, на «Гинденбурге» замигали огоньки световых сигналов. Видимо, не надеясь на радио, капитан воздушного гиганта приказал использовать даже сигнальные дымки, и синие шлейфы густой пеленой потянулись по бортам. Видимого ответа не было. Группа над «Гордостью» вновь развернулась в линию, группа, летевшая к дирижаблю, разомкнула строй, охватывая его как огромным серпом.

Толпа на палубе заволновалась, предчувствуя какие-то изменения и неожиданные события. Возгласы «да что это!», «кто они такие?» и «эти вояки со своими полетами совсем распоясались!» слились в один ровный гул.

Странные очертания, полное молчание, «пулеметы», быстрые, идеально точные маневры, отсутствие каких-либо эмблем на машинах. Все сложилось в единое целое.

— Надо уходить... — пересохшими губами прошептал инженер. Девушка удивленно, непонимающе уставилась на него.

— Бежим! — повторил он, крепко хватая ее за руку. Краем глаза он видел, как заканчивают перестроение планеры. На судне завывли сирены «первой готовности», завибрировала палуба — машины увеличивали ход, палубу ощутимо повело — на мостике резко переложили руль.

Резким движением инженер развернул девушку к себе, испуганную, непонимающую, крепко прижавшую к груди мольберт. Ближайший спасжилет был чуть дальше, у трапа на верхнюю смотровую палубу, ближайший плотик еще дальше, на спусковой аварийной лебедке метрах в пятнадцати по борту. Но он опоздал.

Под плоскостями машин, направлявшихся к «Гинденбургу», чередой прошли яркие вспышки, быстрые, похожие на сверхновые в образовательных программах по новостнику. И сразу же от них к дирижаблю быстро, гораздо быстрее даже стремительно скользивших планеров, подобно странным белесым копьям, устремились дымные следы, как во время запуска фейерверков на празднике исчисления грехов в Неаполе или на гуляниях в Поднебесной.

Время для инженера остановилось. Он отбросил, оставил за границами восприятия всю несуразность, невозможность происходящего, оставив лишь две мысли. Первая — это нападение. И пусть нападение такое же нелепое и невозможное, как атака Кракена из древних морских сказок или пришествие зловещих инопланетян из кинофильма «Далекие контакты», оно совершенно реально. Вторая — он должен спасти ее.

Полет ракет (а теперь уже не оставалось сомнений, что это были именно ракеты) занял лишь несколько мгновений. Мастерство атакующих было велико, а условия запуска идеальными, поэтому дымные «острия» ударили по борту дирижабля одновременно на всем его протяжении, ни одна ракета не миновала цель. Серия взрывов прошла по серо-стальной поверхности,